

ТОТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В ЛИБЕРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

«Есть смысл заниматься русскими материями в Израиле», — считает лауреат «Антибукера-97» Александр Гольдштейн

Независимая газета, 1998, 24 янв., с. 7

Ольга Григорьева

ЧТО ТАКОЕ, на ваш — почти иностранца — взгляд, сегодняшняя литературная Москва?

— У меня, прожившего семь лет в полной израильской изоляции, до приезда представлений не было никаких. Все доходило только в качестве текстов, которые мне было чрезвычайно трудно систематизировать и понять. Условно говоря, я воспринимал Москву примерно так же по газетам, телевидению и книжкам, как литературу и жизнь 30-х годов, — атмосфера некой атлантиды.

— Это ваше сегодняшнее представление или оно у вас сложилось, скажем так, позавчера?

— Оно сложилось там, но здесь я убедился в его оправданности. Несмотря на это, когда попадаешь в среду социально близких тебе людей — тех, которые, наверное, должны были быть твоими приятелями, собеседниками, с которыми ты чувствуешь полное интеллектуальное, душевное и психологическое родство. Но при этом остается один существенный зазор: нет родства опыта.

— Но вчера (на церемонии вручения премии), когда вы встретились с этими самыми людьми, — они все были вашими друзьями, в то время как если бы жили здесь, половина из них была бы друзьями, большая часть — врагами.

— Это как раз свидетельствует о полной неестественности ситуации. Когда у человека есть и друзья, и враги, — он включен в определенную систему отношений. А я — абсолютно посторонний персонаж, с которым не о чем торговаться. При том, что все флюиды как бы свидетельствуют об обратном: попадаешь в среду своих людей, с которыми и по-человечески чрезвычайно приятно. Тем не менее ситуация искусственная, тепличная.

— Вам удалось выговорить в своей книге то, чего не удалось никому из «замолчанного» поколения 70-х.

— Я это услышал, как ни странно, здесь, и для меня это большая неожиданность. Живя в Израиле, я утратил всякое понятие о принадлежности к какому бы ни было поколению. У меня появилось ощущение совершенно другой принадлежности — к месту, времени, к определенному классу людей, в том числе и не литературных... И когда я услышал, что, оказывается, я совпал своим голосом с тем, что могли бы сказать люди 70-х годов, — полная неожиданность. Кстати, по поводу «шестидесятничества». Это омонимия, потому что русское шестидесятничество имеет мало отношения к европейскому. Я в некотором роде шестидесятник, но

увеличенно» русских писателей — Лескова, разночинцев, классических шестидесятников, и далее, до славянофилов, до Хомякова, Леонтьева. Как это будет звучать там? И эффект возникать совершенно замечательный.

— На каком языке вы говорите преимущественно?

— На улице — на иврите. Но в остальном — в целом — на русском, поскольку я работаю в русской редакции.

— Смещение и смещение поколений в Израиле не потому ли происходит, что вы, общаясь по-русски, отказываетесь от отчества?

— Отчасти и так. Кроме того, я ведь совершеннейший провинциал, жил не в Москве, а в Баку, где какое-либо поколение семидесятников просто отсутствовало. Там не было того культурного слоя, о котором говорят в Москве. Не было никаких хиппи.

— А как насчет русского языка в Израиле?

— Культурный слой все-таки пытается его сохранить и культивировать в дистиллированном виде, а если идет на макароническую речь, то сознательно, в попытке что-то использовать. Остальные влипают в чудовищные гибриды, которые мне были знакомы, кстати, по тому же Баку, где большинство людей не знали ни одного языка — ни высоких модусов русской речи, ни тюрко-азербайджанской.

— А культурные нити между Баку и Москвой, Тель-Авивом и Москвой?

— Дистанция огромная. Они прежде всего разноценностны. Москва для меня была меккой и местом, куда мне очень хотелось бы перебраться. А город Баку — приятным космополитическим болотом. Пока он не взорвался... Но там не с кем было поговорить по-настоящему.

В первые годы жизни в Израиле казалось, что попал из одной глубокой провинции в другую. А потом я решил перевести нужду в добродетель, использовать преимущества новой восточной запазухи, новой нужды. Мне кажется, есть смысл заниматься русскими материями в Израиле, жизнь там дает любопытный угол, ракурс зрения. Во всяком случае, мне там это удалось гораздо лучше, чем если бы я сидел здесь. Сама русская литературная жизнь в Израиле интенсифицировалась, возник русский журнал «Зеркало» (вышло 4 номера, 2 из них, на мой взгляд, просто хороши), появились несколько совершенно незаурядных персонажей.

— Был тонкий дайджест «Зеркало».

— Мы не имеем к нему отношения, хотя название сохранено по соображениям издателя.

— Сейчас дайджесты вытесня-

Александр Гольдштейн. Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

жем так, культурно отыграть те возможности, которые предоставляет идеология сионизма. Чтобы вещи, чужеродные для русской культуры, были переведены в русский контекст на хорошем художественном уровне.

— Ваш взгляд на мир очень отстраненный...

— Для человека, живущего в Израиле сравнительно недолго, это место удачное, потому как это живое воплощение принципа отстранения. Очень часто смотришь глазами не аборигена, а пришльца. Я вообще никогда не попадал ни в какую «среду», не было у меня и бакинской компании. Когда я бывал в Москве, ни с кем не встречался, только ходил по книжным магазинам. Чем не компания?

— Но в Баку вы читали книги из библиотеки Вячеслава Иванова?

— Было дело. А также из Петербургской духовной академии. Их привезла с собой в Баку Красная Армия. Там были книги с посвящением Сергею — еще не Сергию — Булгакову.

— Это дало какую-то духовную преємственность?

— Как сказать... Когда я в архиве пытался разыскать следы Вячеслава Иванова, никто не знал даже этого имени. И вообще никаких следов не было — умерли все, с кем он сотрудничал, ученики учеников разъехались. Пустынное место, неплодородное для русской культуры, и не было еще ни азербайджанского — тюркского — национализма, ни исламской ориентации. Советский провал.

— Но империю вы все-таки там почувствовали?

— В гораздо большей степени, когда уехал. Там, внутри, это не ощущалось, как не ощущается, чем ты дышишь. Но вот потом, когда уехал, пришлось наблюдать со стороны, как империя стала разваливаться. Тогда я очень сильно почувствовал — и жалость, и сострадание. Когда я слышал — как человек со стороны — о закрытии каких-то крупных промышленных производств, возникало ощущение боли. Ведь я два года жил в рабочем общешитии нефтяников, работал по распределению. Работа моя состояла в том, что я ходил по предприятиям и записывал, кто насколько выполнил план. Эту среду я знал и любил — большие предприятия, много хороших, работающих людей. Как сказал бы Киплинг, Томми Аткинсов, которые, желая того или не желая, поддерживали огонь в этой огромной печи.

— То есть вы воспринимаете гибель империи через проблемы простого человека?

— От лица человека никуда не деться, оно на тебя смотрит. И ты понимаешь, что империя создавалась, извините за советский штамп, совокупным трудом тех самых людей. Мне близки вещи, которые традиционно связыва-

лись с идеологией рабочего движения социал-демократического толка. Мне кажется, весь современный — и западный — свободный мир был создан людьми II Интернационала.

— А может ли быть имперская культура в либеральном государстве?

— Я всей душой за либеральное государство, в котором человеку жить легко и хорошо. Однако и русская, и в еще большей степени европейская культура создавались в империях. И великие романы, созданные в эпоху модернизма и авангарда, основывались на монистическом принципе отношения к миру, к слову — и к читателю, которого нужно было в чем-то убедить, предложив некий тотальный вариант текста, вовлечь в словесную безвыходность. На этом основывался весь европейский и русский авангард. Дадаизм, футуризм были отнюдь не либеральными течениями. Романы Музиля, Джойса — совершенно не либеральные. Или Арто. Когда возникает попытка вновь настоять на священном призвании художника, артиста, на том, что он должен делать серьезные вещи, воспитывать и исцелять аудиторию, то возникает нелиберальная идеология у людей, воспитанных в демократическом обществе. Я имею в виду, например, Ива Кляйна, который проектировал ни больше ни меньше модель райского сада в конце 50-х годов и считал, что это осуществимо, — идеология всеобщего счастья. Это религиозная идеология, она абсолютно не либеральна, она священна.

— В своей книге вы много говорите о «литературе существования». И получается, что это скорее даже не литература, а выход за пределы литературы.

— Да, это литература как наиболее полное осуществление своего жизненного текста. Осуществление человека, отступающего за свои слова и свои поступки. ■

Такой золотой значок лауреата Антибукеровской премии был вручен 21 января Александр Гольдштейну, Олегу Богаеву, Тимуру Кибиреву, Алексею Варламову и супруге Дмитрия Бакина.

не в русском смысле, а, скажем так, в западном, кроме того, книжном — нет своего опыта. Это шестидесятничество Алена Гинзберга, Джимми Хендрикса и прочих вплоть до Маркузе, коммуны Беркли и даже до правой культуры, которая тогда тоже формировалась, хоть и была занята левой. — все то, что в Россию пришло 10 лет спустя.

— Вы сказали о принадлежности к месту — какому? Мне не раз приходилось слышать от евреев, что в Израиле они чувствуют себя русскими.

— К Тель-Авиву, к Израилю, к Средиземному морю. Что касается русской идентификации, она у меня русско-культурная. Это ощущение действительно чрезвычайно обостряется вне России. Я сознательно ставил над собой такие эксперименты: читал «пре-

ются оригинальными изданиями?

— Нет. Много газет-дайджестов — совершенно пиратских изданий. Я и сам воровал. Скажем, издавал журнальчик, посвященный мистике и фантастике, настрого его из чужих текстов, когда жить было совершенно не на что. Да еще врал про приезд учеников Кастанеды, которые заряжали журнал целительной энергией.

— Можно ли сказать, что сегодня русская книга в Израиле стала менее идеологизированной?

— Да она и не была особо идеологизированной. Были бы деньги — ты можешь издать решительно все, какой угодно поклеп на кого хочешь, призывы взорвать государство... Ради Бога. Скажу напротив того. Я бы хотел, чтобы русские книги, издающиеся там, были максимально идеологизированы, чтобы они сумели, ска-

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Александр Гольдштейн — филолог, критик. Родился в 1957 году в Таллине, закончил филфак университета в Баку, там же защитил диссертацию по теме: «Проветительский философский роман XVIII века». Работал в местной газете, журнале «Советская технология», Обществе книголюбов — мытарем, собирая членские взносы с колхозов. В 1990 году эмигрировал в Израиль. В 1997 году за книгу «Расставание с Нарциссом» получил сразу две премии: «Букера» (разделив ее с Михаилом Гаспаровым) и «Антибукера» (в номинации «Луч света» за лучшую работу в жанре критики). В Москву приехал на три дня по приглашению оргкомитета премии «Антибукер».